

ТРОСТНИК

* * *

Что там колыхнется на ветру?
Облако ли? Тростник?
К мысли, что я непременно умру,
я, как ни странно, привык.
Так себе мысль – пяточок на метро, –
для нумизмата – пустяк.
Но озверевшее сдуру зеро
шепчет: «Мы только в гостях».
И не татарин, но избранный жид,
из миллионов – один,
видишь, как сперматозоид бежит,
думает, что победил.
Но наследит – это наверняка, –
с вечностью накоротке.
Клином гусиным летят облака.
Ветер поёт в тростнике.

2006

* * *

Я весь наружу, напоказ,
и я не утаю
себя от посторонних глаз,
а значит, жизнь свою.
За так, бесплатно, задарма
смотрите – мне не жаль,
как если бы, сойдя с ума,
в кунсткамере лежал.
Но прикасаться – ни-ни-ни,
остерегайтесь – я
из тела, как из западни,
смертельный, как змея
сбегу, и вам несдобровать,
и будет страшной месть.
А – так мне нечего скрывать, –
как на ладони весь.

2006

* * *

По кривой дорожке пойду наугад,
выведет, родимая, к дому моему,
я бы, если честно, был бы только рад
заблудиться где-нибудь, попасть в тюрьму,
убежать с цыганкой и жить в степи,
стать цыганским бароном и горя не знать.
Умоляю, пожалуйста, отпусти!
Слава богу, не хочет меня отпускать.

2006

* * *

А что касается твоих
легчайших крыльев – я
чуть ли не сразу спрятал их
в чулан среди тряпья.
Мне так спокойней, чтобы ты
сквозь сутолоку дней
не разглядела с высоты
бескрылости моей.

2006

* * *

Тебе не кажется, что время
остановилось навсегда,
и, не мигая, сквозь деревья
горит холодная звезда.
К тому, что сказано когда-то:
«Мы – дирижабли взаперти»,
добавлю, что прочней каната
мрак, поселившийся в груди.
Не плачь, любимая, не надо,
и дирижабль по четвергам
летает после звездопада
назло врагам.
Мы полетим с тобой, как птицы,
едва услышав: « От винта!» –
чтоб никогда не возвратиться,
не возвратиться никогда.

2006

* * *

Когда мой речевой
старинный аппарат

переходил на вой,
усиленный стократ
бездонной ночью, — ты,
молчание храня,
по-царски с высоты
взирала на меня.

2006

* * *

Не будем всё-таки о грустном,
а будем, глядя на огонь,
пить чай, не торопясь, вприкуску —
глаза в глаза, ладонь в ладонь.
Из алюминиевых кружек
вылавливать чаинки и
печалиться, не обнаружив,
в сердцах ни капельки любви.
А только странное желанье:
друг в друге раствориться, как
кусочек сахара в стакане
и самолётик в облаках.

2006

* * *

Я весёлый, весёлый, весёлый,
веселей не бывает меня,
и веселье усилием воли
еле сдерживаю, как коня.
Но когда-нибудь время настанет —
и однажды плотину прорвёт:
и листва на деревьях завянет
от ужасного хохота, от
смеха; тихие вспенятся реки,
потекут, беспокойные, вспять.
Не спешите на мне, человеки,
ставить крест. Я устал горевать.

2006

* * *

Мне нужна передышка,
отлежусь, чтоб потом
(я шепчу, как мальчишка,
окровавленным ртом)
с тёмно-синим фингалом,
вызывающим смех,

насмерть биться с кагалом –
один против всех.

2006

* * *

Не усложняй! И так всё сложно,
учись у декабря – смотри:
как просто – проще невозможно
сидят на ветках снегири.
Укутанные в пух и перья,
изнемогая от жары,
они украсили деревья,
что новогодние шары.
И обмороженная ветка
предоставляет им ночлег,
и долгой ночью, редко-редко,
очнувшись, стряхивают снег.
Не усложняй! А на рассвете
проснись ни свет и ни заря
от репетиции на флейте
державинского снегиря.

2006

* * *

Заостри свою мысль и воткни
прямо в сердце и по рукоятку,
чтоб тебе отведённые дни
провести, привыкая к упадку
и гниению – запах такой...
отдыхают тюльпаны и розы;
и поэзия – бабка с клюкой –
скоро доковыляет до прозы.

2006

* * *

А у хавбека мяч привязан
к ноге – попробуй отбери,
и он обводит раз за разом
почти что всю команду и
примерно с десяти – не больше
в девятку без размаха бьёт,
и падает с инфарктом – боже! –
на линии своих ворот.

2006

* * *

Ты выстрелил, и пуля,
стартуя в феврале,
девятого июля
приблизилась к земле.
Хотя, ещё сначала,
на линии огня,
она, конечно, знала,
что попадёт в меня.

2006

* * *

Голубизна переходит
в светло-зелёное – цвет
моря на мысли наводит:
смерти, как видимо, нет.
От удивленья присвистни,
смерти не будет? Да-да!
Впрочем, как не было жизни,
как таковой, никогда.

2006

* * *

Имитируя божий,
свыше посланный дар,
лез и вылез из кожи,
а назад – опоздал.
И уже – ни в какую,
да и свыкся почти,
заморозить рискуя
своё сердце в пути.

2006

* * *

Я оставляю на десерт
коронный номер свой,
ни у кого такого нет –
ручаюсь головой.
Нет, не стоянье на ушах
и не глотанье шпаг,
но от прозренья в двух шагах
не сделать даже шаг.

2006

* * *

Я выйду на Красную площадь
и стану её посреди,
где радостью горло полощет
бескрылая птица в груди.
Я рёбра руками раздвину
и страха себе не прошу,
но птицу бескрылую выну
и в небо её отпущу.
Лети, уповая на встречный
и яростный ветер в лицо,
а я, человек бессердечный,
конечно, отвечу за всё.
За всё, в чём я был или не был,
но всё-таки был виноват,
мне пялиться вечно на небо,
где птицы на север летят.

2006